

И Пу молчал.

Только что он подумал, что эта Седьмая принцесса ведёт себя странно, а уже в следующее мгновение она завела с ним обстоятельный разговор.

И Пу усмехнулся.

Но так... действительно интереснее.

Он уже почти понял: её высочество предпочитает говорить прямо. Поэтому он спросил: «Чего же желает Ваше Высочество?»

Раз уж речь о сотрудничестве, каждый должен получить своё. Если бы принцесса действовала для него, ничего не требуя взамен, И Пу пришлось бы серьёзно задуматься о её мотивах.

— Господин И прямолинеен, — кивнула Янь Лян. — Я хочу титул старшей принцессы после вашего восшествия на престол, с правом выбора собственного почётного имени. А также — императорский указ, санкционирующий мой брак.

В династии Дажун принцессы обычно не имели особых титулов. Лишь те, кто пользовался исключительной милостью или обладал большим влиянием, достаивались такой чести. Титулованная старшая принцесса — это примерно как для мужчины просить повышения в чине и пожалования владений.

Это требование И Пу ожидал, но просьба об указе на брак его всё же удивила.

Он взглянул на Седьмую принцессу. Из-за жизни в унижениях и постоянного недоедания с детства Янь Лян была гораздо миниатюрнее своих сверстниц. Однако возраст для замужества у неё уже подходящий, так что, удивившись на мгновение, И Пу быстро пришёл в себя.

Ради собственного замужества стоит похлопотать — это в её интересах.

Оба условия И Пу было нетрудно выполнить.

Когда их взгляды снова встретились, каждый прочитал в глазах другого удовлетворение.

Янь Лян ценила, что И Пу даже не спросил, почему она хочет убить отца-императора. Следующий правитель Дажуна явно понимал принцип «доверяй тем, кого используешь», и это ей нравилось. Хотя по её положению и прошлому нетрудно было догадаться о причинах, раз она сама не заговаривала, И Пу не проронил ни слова.

По сравнению с её подозрительным родителем, который лишь сеял вокруг холод отчуждения, И Пу был несравнимо лучше.

Придя в хорошее расположение духа, Янь Лян решила и его порадовать. Подойдя к письменному столу, она встала на цыпочки, взяла лист бумаги и кисть, подложила бумагу на ладонь и быстро что-то начертала: «Пока что я больше полагаюсь на вас, господин И. В знак искренности — небольшой подарок к нашей встрече».

Она закончила последний штрих.

На бумаге было всего одно слово.

— «Сы».

Увидев его, зрачки И Пу на мгновение сузились.

— Сейчас для вас самое важное — «законное основание», — уголки губ Янь Лян дрогнули. — Верьте мне, вы преуспеете.

Договорившись с И Пу, Янь Лян стала чаще бывать в Сандаловом чертоге. То она всерьёз обсуждала с Государственным наставником корректировку рецепта пилюли, то строила из себя послушную дочурку перед Императором Цянъином, завоёвывая его расположение.

Так прошло три-четыре месяца. Янь Лян почувствовала, что пора: если останется во дворце, кое-кто в задних покоях не выдержит и начнёт чинить ей препятствия.

Нужно было на время уехать из дворца. И вот, во время одной из сцен трогательного семейного единения с отцом-императором, выражение лица Янь Лян вдруг резко изменилось.

Цянъин, находившийся рядом, заметил это и замер: «Сяо Ци?»

Янь Лян не ответила. Она вся застыла, словно что-то ощутила, а затем в её глазах вспыхнула дикая, неистовая сумятица. Придворные не успели и глазом моргнуть, как она стремительно выбежала из Сандалового чертога, с такой силой толкнула бросившуюся подхватить её Цай Чжи, что та едва устояла, и, не останавливаясь, почти без оглядки помчалась во двор.

Когда ошеломлённый император опомнился и поспешил к входу, Янь Лян уже стояла на коленях у клумбы в саду Сандалового чертога. Слезы ручьём текли по её лицу, а губы беззвучно шептали: «Бабушка... Бабушка... Вы зовёте Лянэр?..»

Сердце императора ёкнуло.

Он присмотрелся. Место, где преклонила колени Сяо Ци... разве не там, где покойная вдовствующая императрица любила стоять, любясь цветами?

Сандаловый чертог прежде был местом, где вдовствующая императрица совершала буддийские обряды. Даже любимая ею точка для созерцания цветов почти в точности совпадала с тем местом, где сейчас стояла на коленях Янь Лян!

Мысли императора закружились вихрем. Вдовствующая императрица почилла задолго до рождения Сяо Ци — та не могла её видеть. Да и жила Сяо Ци во дворце в крайней изоляции, а после возвращения в столицу и вовсе безвылазно сидела во Дворце Чанлэ, ни с кем не общаясь. Слуги в Чанлэ были набраны в последние годы и ничего не могли знать о покойной государыне. Даже в Сандаловом чертоге служили недавно прибывшие — им тоже было почти ничего не известно.

Стало быть... стало быть, если Сяо Ци так точно нашла это место, возможно, и вправду дух вдовствующей императрицы нисходит с небес!

При этой мысли дыхание императора участилось.

В прошлый раз, в императорской усыпальнице, Сяо Ци, получив во сне указание от бабушки, принесла ему необычайно действенный рецепт пилюли бессмертия. А теперь она вновь ощутила её зов...

Как раз в этот момент Янь Лян словно очнулась. Замершая на мгновение, с лицом, залитым слезами, она обернулась к императору: «Отец! Отец! Бабушка велела Лянэр: за пределами

дворца, в некоем месте, есть весть о траве бессмертия! Она повелела мне немедля отправиться туда, собрать её и привезти отцу!»

Цянъин: «...!»

Император ухватился за косяк двери Сандалового чертога, стараясь скрыть лёгкую дрожь, пробежавшую по телу от внезапного волнения.

«Хорошо...» — он изо всех сил старался, чтобы голос звучал ровно. — «Хорошее дитя. Разрешаю!»

Услышав это, Янь Лян тоже пришла в восторг. На лице её расцвело обожание, будто позволение отца выехать из дворца на поиски бессмертной травы было для неё величайшей честью: «Благодарю... благодарю вас, отец!»

Выйти из дворца — значит получить множество возможностей встретиться с сестрой Мянью!

Благодаря тому самому рецепту пилюли бессмертия и почти полугоду умелого подыгрывания и лести со стороны Янь Лян, император Цянъин теперь безгранично ей доверял. Раз она отправлялась искать для него бессмертную траву, он, разумеется, поддерживал её всеми силами.

О предстоящем отъезде Янь Лян Государственный наставник и И Пу узнали практически сразу. С их помощью всего через несколько дней экипажи и багаж были готовы к отправлению.

По правде говоря, Янь Лян хотелось бы просто взять мешок с серебром за плечи и перемахнуть через дворцовую стену — в прошлой жизни она делала это не раз и наловчилась. Вся прочая поклажа была лишь обузой, а сопровождающие — лишней головной болью.

Но, во-первых, её нынешний статус никак не позволял «перемахивать через дворцовую стену». Даже когда она выдвинула довод: «Трава бессмертия одухотворённа. Бабушка сказала, что лишь Лянэр одной дано найти её следы. Позвольте же мне отправиться одной — трава оценит искренность мою», — император не согласился.

«Дитя моё, знаю, ты желаешь мне добра, — с неподдельной нежностью произнёс Цянъин. — Но за стенами дворца — не то, что внутри. Без присмотра я ни за что не позволю тебе одной отправиться в путь!»

В этих словах крылась правда — Цянъин изначально не был особо выдающимся правителем, а в последние годы, одержимый поисками бессмертия, и вовсе стал походить на губящего государство государя. Нынешние времена и впрямь можно было назвать смутными.

Что поделать — Янь Лян пришлось неохотно согласиться. Взяв досаждающих ей сопровождающих, экипажи и поклажу, она с помпой покинула дворец.

В тот миг, когда карета выехала за пределы столицы, Янь Лян в глубине салона тяжело выдохнула.

Наконец-то не надо дышать этим зловонием алчности и вожделения.